

УДК 005.12:316.3

Науково-теоретичний альманах «Грані»
Scientific-theoretical almanac «Grani»

«Grani». 2016. 140(12), 57-65.

doi:10.15421/1716140

www.grani.org.ua

Современные тенденции смены субъектности публичной политики

Е.М. Чальцева¹

В статье анализируется проблема институционализации публичных акторов и форм их взаимодействия в современном постмодерновом политическом пространстве. Выявлены и охарактеризованы новые тенденции изменения их субъектности в формировании публичного капитала в различных типах режимов: гибридизация, сетевизация, индивидуализация, трансграничность, конфликтность. Оценено влияние информационных технологий, которые становятся одним из главных инструментов реализации публичной политики в современных политических условиях, в перспективе их можно рассматривать в качестве основы трансформации политических систем всех типов. Определено, что ключевым механизмом развития политических практик акторов является конвертация различных видов ресурсов в публичный капитал, являющийся частью политического капитала. Выяснено, что публичные акторы действующие в конкретных институциональных режимных рамках, обладают инкорпорированной способностью участвовать в коллективных и индивидуальных действиях, основываясь на своих интересах, предпочтениях и идентичностях. В работе доказано, что публичные акторы, находясь в определенной режимной среде, формируют особые формы публичного капитала, который отражает степень эффективности, открытости и конфликтности политической системы.

Ключевые слова: публичный актор; гибридизация; сетевые сообщества; трансграничность; институциональная неопределенность; публичный капитал; институционализация

Modern trends of public policy's subjectivity change

Е.М. Chaltseva²

The problem of an institutionalization of public actors and forms of their interaction in contemporary post-modern political space has been analyzed in the article. New tendencies of their subjectivity's change concerning the formation of the public equity in various types of the modes have been considered: hybridization, individualization, cross-border, conflict and the transformation of the network entities. Information technologies has become to be one of the main instruments of implementation of public policy in modern political conditions, which, in the long term, can be considered as a basis for a transformation of political systems of all types. Change of roles of political subjects is connected with such sociocultural characteristic of the present stage of society's development as individualization. The individualized subject is in a constant process of formation of their own identity and they look for valuable grounds and orientations in behavioral practice using mechanisms of identification and socialization. Consequently, the social positioning of the individual, identification of individual with the interests and values happens. Change in nature of identity and political culture shows the importance of the following tendency in political practice as a hybridism. Today there are a lot of examples of a hybridism: hybrid modes, states, batches, etc. Interactions between actors of public policy get more and more nonhierarchical nature and the value of horizontal negotiation network model increases. Various forms of transitional states created the same variety of national public ones. For the public policy in transformed states the most actual are such problems as: imitating nature, institutional uncertainty, conflict, institutional «traps».

The key mechanism of the political practice of development of actors is the conversion of different types of resources into the public equity, which is a part of the political equity. The public actors that act in specific institutional regime frameworks possess the incorporated capability to participate in collective and individual actions. This participation is based on their interests, preferences and identity. It has been shown in the article that public actors, which act in a certain environment regime, create special forms of the public equity which reflect efficiency rate, openness and level of conflict of the political system.

Keywords: public actor; hybridization; network communities; cross-border; institutional uncertainty; public equity; institutionalization

¹ Кандидат исторических наук, доцент; Донецкий национальный университет им. В.Стуса, 21021, Винница, ул. 600-летия, 21

² PhD in history, associate professor; V. Stus Donetsk National University, 21, 600-richya Str., Vinnytsia, 21021, Ukraine

³ Кандидат історичних наук, доцент; Донецький національний університет ім. В.Стуса, 21021, Вінниця, вул. 600-річчя, 21

E-mail: chaltseva@ukr.net

Сучасні тенденції зміни суб'єктності публічної політики

О.М. Чальцева³

У статті аналізується проблема інституціоналізації публічних акторів і форм їх взаємодії в сучасному постмодерновому політичному просторі. Виявлено і охарактеризовано нові тенденції зміни їх суб'єктності у формуванні громадського капіталу в різних типах режимів: гібридизація, мережевість, індивідуалізація, транскордонність, конфліктність. Оцінено вплив інформаційних технологій, які стають одним з головних інструментів реалізації публічної політики в сучасних політичних умовах і яких у перспективі можна розглядати в якості основи трансформації політичних систем всіх типів. Визначено, що ключовим механізмом розвитку політичних практик акторів є конвертація різних видів ресурсів в публічний капітал, який є частиною політичного капіталу. З'ясовано, що публічні актори діють в конкретних інституційних режимних рамках, мають інкорпоровану здатність брати участь в колективних та індивідуальних діях, ґрунтуючись на своїх інтересах, перевагах і ідентичностях. В роботі доведено, що публічні актори, перебуваючи в певному режимному середовищі, формують особливі форми публічного капіталу, який відображає ступінь ефективності, відкритості та конфліктності політичної системи.

Ключові слова: публічний актор; гібридизація; мережеві спільноти; транскордонність; інституційна невизначеність; публічний капітал; інституціоналізація

Peer-reviewed, approved and placed: 15.11.2016.

Постановка проблеми. Публичная политика осуществляется многочисленными традиционными акторами, среди которых необходимо выделить: государство и его институты, осуществляющие регулирование и управление политическими процессами сверху; органы местного самоуправления как связующее звено между властью и обществом на местном институциональном уровне; политические партии как группы выражения определенных интересов и нацеленные на борьбу за власть; общественные объединения, создаваемые для выражения и реализации групповых интересов; бизнес-структуры, лоббирующие в государственной среде свои интересы посредством монетарных ресурсов; отдельные личности, влияющие на политику на индивидуальном уровне. Однако, устоявшийся характер отношений субъектов в политическом поле под воздействием различных экзогенных и эндогенных факторов подвергся на рубеже XX – XXI вв. изменениям, что, в свою очередь, существенно повлияло на конфигурацию положения и статус традиционных акторов и привело к появлению новых субъектов. Это, безусловно, повлияло на то, что в политической науке созрела необходимость переосмысления проблемы субъектности в публичной политике.

Анализ исследований и публикаций. Научные представления о публичных акторах появились благодаря теоретико-концептуальным ориентирам, заданным представителями европейской и американской политическими школами начиная с 60-х гг. XX в: Ю. Хабермасом, Х. Арндт, В. Парсонсом, П. Кньюпфелем, П.Флингстином и др. С 90-х гг. XX в. можно констатировать появление интереса исследователей на постсоветском пространстве относительно роли публичных субъектов в государствах, которые трансформируются, среди которых необходимо отметить С. Дацюка, В. Дзюндзюка, А. Соловьева, Н. Беляеву, Л. Сморгунова, А. Сунгурова, В. Якимца, Л. Никовскую, А. Колодий, В. Степаненко, А. Третьяка и др.

Цель исследования. Проблема институционализации публичных акторов и форм их взаимодействия

в разных типах систем является, по мнению автора, определяющей для понимания характера их поведения, статусности и оценки их эффективности. В связи с этим нам предстоит выяснить: что представляют собой современные публичные акторы в постмодерновых условиях, определив новые тенденции изменения их субъектности в формировании публичного капитала.

Многообразие используемых терминов в политической науке, обозначающих публичных акторов, ставит перед нами сложные задания в отношении уточнения и уместности использования в научном дискурсе таких категорий, как «публичная власть», «публичные институты», «публичные институции», «стейкхолдеры», «медиаторы», «гибридные субъекты» и др.

Категорию «публичный актор» в первую очередь связывают с такими понятиями, как «общество», «общественность», «публика», «публичность». Ю. Хабермас использовал в своих работах термин *Öffentlichkeit*, который в XVIII в. был аналогом термина *publicité* в старофранцузском и *publicity* в английском [1]. Со временем термин «публичность» активно вошел в научный оборот, а также стал незаменимым и популярным в политическом дискурсе и журналистике.

Через деятельность публичных акторов как носителей публичности, функционирующих в условиях конкретных политико-административных режимов и соответственно имеющих свои институциональные формы, ресурсные возможности и поля взаимодействия, можно оценить сущность политических процессов на разных уровнях. Изначально тема публичности приобрела свое концептуальное обобщение благодаря либерально-демократической традиции в политической науке, направленную на теоретизацию публичной политики как процесса формирования и реализации государственной политики с учетом общественных интересов в условиях демократии. Такое понимание субъектности в публичной политике стало традиционным для англосаксонской научной школы и было адекватно своему времени и типу систем.

Трансформация демократической западной электоральной демократии и кризис институтов демократического управления в условиях постмодерна привел к пересмотру классических теоретических концепций и поиску новых объяснений социальной практики.

Сигналом проблем качества институтов является показатель доверия к ним со стороны общества. Так, по данным Edelman Trust Barometer, измеряющего уровень доверия населения к властным и общественным институтам, в 2012 г. наблюдалось самое глубокое падение доверия к власти за все время проведения подобных исследований – с 2000 года. В 2015 г. показатели немного улучшились, но тенденция низкого уровня доверия сохранилась. См. табл. [2].

Таблица 2. Уровень доверия институтам власти в мире.

Институты/роки	2011	2012	2014	2015
НКО	61%	58%	66%	63%
Бизнес	56%	53%	59%	57%
Медиа	49%	52%	53%	51%
Уряд	52%	43%	45%	48%

В современных демократических системах, утверждает Н.Ю. Беляева, по причине неэффективности демократических институтов изменяются формы поведения субъектов публичного процесса. Кризис представительной демократии заставил наиболее думающую, активную и готовую к консолидации публику увидеть альтернативу «представительства» в прямом личном политическом участии [3].

Новые формы такого участия в виде «уличной» или «протестной публичной политики» сейчас активно преобразуют буквально весь мир и демократический, и недемократический. Интенсивность протестного воздействия постоянно увеличивается, а результативность не всегда является контролируемой и предсказуемой. Например, революции на Ближнем Востоке 2011 г., в Украине в 2004 и 2013-2014 гг., в Грузии – 2003 г., национальные протесты в Великобритании – 2011 г., Испании – 2011 г., Турции – 2013 г., США – 2011 г. и др. демонстрируют эффективность новых акторов политики, несмотря на разность причин, мотивов, целей и результативность. Таким образом, активизация протестных движений превращает последних в полноценных акторов публичной политики, которые способствуют изменениям системного характера и ведут к формированию нового типа отношений власти и общества и открывают новые каналы воздействия на принятие политических решений. Реакция власти на конфронтационную стратегию поведения новых публичных акторов зависит от национальной специфики проблем и от режимных данных систем. Поскольку деятельность данных акторов приобретает частый и регулярный характер, возникает объективная необходимость искать механизмы предотвращения антагонистических настроений и регулирования уже вышедших из латентной фазы конфликтов. Для этой цели государства вынуж-

дены создавать специальные институты, выполняющие функции посредничества.

Появление новых форм участия связывают и с развитием информационных технологий, которые все в большей степени стимулируют и мотивируют граждан к непосредственному индивидуализированному участию в виртуальном политическом пространстве. Новые информационно-коммуникативные механизмы формируют новый тип социальных отношений, в которых задействованы как реальные, так и виртуальные участники политического процесса. Новые виды коммуникации рождает новые возможности для акторов публичного поля формировать повестку дня, контролировать ее выполнение, участвовать в процессе ее реализации посредством сетевых ресурсов. Интерактивные механизмы (электронное правительство, электронные услуги, электронные СМИ и др.) в современных условиях конструируют публичную политику снизу-вверх, определяя новую практику публично-частного партнерства (Public Private Partnership – PPP). Таким образом, информационные технологии становятся одним из главных инструментов реализации публичной политики в современных политических условиях, которые в перспективе можно рассматривать в качестве основы трансформации политических систем всех типов.

Изменение положения субъектности в современных условиях это не только структурно-институциональные проблемы, на самом деле изменения, происходящие в обществе, имеют глубинные социокультурные корни, связанные с изменением положения индивида и социума в целом.

Смена ролей политических субъектов связана с таким социокультурным свойством современного этапа развития общества, как индивидуализация. По мнению И.С. Семененко, «отличительной чертой общества современного является распространение политической субъектности на всех его членов», что связано с формированием нового типа личности – «человека постмодерна» индивидуализированного общества, представителя «общества знаний» и носителя «гибридной идентичности», который может реализовать свою политическую субъектность в многослойном формате публичной политики [4].

Индивидуализированный субъект с помощью механизмов идентификации и социализации находится в постоянном процессе формирования собственной идентичности, обретая ценностные установки и ориентации в поведенческой практике. В результате происходит социальное позиционирование индивида, отождествление себя с интересами и ценностями, заключенными в других субъектах. Человек/индивид в поле социально-политической жизни является носителем множественных идентичностей и интересов, от осознания которых зависит его становление как полноценного самостоятельного актора политики. Самоидентификация человека, имеющая иерархический характер при выборе групп, с которыми он себя отождествляет и ролей для самовыражения, влияет не только на самого индивида, но и на характер политических предпочтений и участия, на специфику

политических институтов, на структуру гражданского общества, на механизмы взаимодействия в поле политики.

Участие человека как самостоятельного актора в политике приобретает новый характер, связанный одновременно с индивидуализацией и в тоже время со стремлением интегрироваться в многочисленные коллективные группы объединений, сетевые сообщества и др. Это по-новому актуализирует проблему превалирования либо поглощения частного над публичным или наоборот. Решить эту проблему возможно с помощью идентификации, которая выступает тем самым эффективным инструментом интеграции макросообществ, позволяющим им до известной степени противостоять вызовам индивидуализации и сетевой интеграции виртуальных сообществ эпохи infomodernity [5].

Изменение в характере идентичности и политической культуре ведет к появлению такой тенденции в политической практике, как гибридность. На сегодняшний день существует множество примеров гибридности: гибридные режимы, государства, партии и др. Эта новая характеристика субъектности привела к тому, что современная политическая реальность пополнилась новым видом акторов политического процесса, наряду с традиционными институтами, носящими гибридный характер, находящиеся на разных этапах политической институализации. Одним из примеров такого рода гибридных акторов могут служить пиратские партии (антиистеблишментские), ставящие своей целью реформу законодательства в области интеллектуальной собственности, патентов и авторского права. В национальных масштабах достигли успеха в Швеции, Германии и Франции. Пиратская партия Швеции провела двух своих кандидатов в Европарламент. Наибольшего электорального признания добилась Пиратская партия Германии, проведя трех кандидатов в Бундестаг. В 2012 г. пиратские партии существовали в 62 странах мира, 26 из них были объединены в неправительственную организацию Интернационал пиратских партий, которая модерирует их международную деятельность [6, с. 91].

Гибридизация коснулась не только института политической партии, но и многие другие институты публичного пространства: общественные организации, группы интересов, государство и его структуры. Следствием гибридизации можно назвать переформатирование характера связей акторов, которые ввиду изменения статусных ролей и ресурсных возможностей усложнили взаимоотношения между собой, совмещив неиерархизированные и иерархизированные типы общений.

Взаимодействия между акторами публичной политики приобретают все более неиерархизированный характер и возрастает значение переговорной сетевой модели горизонтальных практик. Включенность различных равноуровневых акторов в решение коллективной проблемы создает новый характер их взаимодействий, который приводит к новому пониманию субъектности. В практическом виде речь идет о появ-

лении нового типа акторов публичной политики – сетевых сообществ.

Сетевые сообщества (объединения) возникают по конкретному вопросу, который требует своего решения. В научной литературе связывают сетевые сообщества с событийностью, как некой чередой смысловых актов в медиапространстве, в результате чего формируется публичное поле. Институализированные и неинституализированные акторы публичного поля включаются в сложный и переплетенный механизм взаимоотношений, проявляясь в различных практиках участия, таких как например как краудсорсинг, сетевое интерактивное участие и др.

Сетевизация в определенной степени является механизмом «сшивания» политики в местах «разломов», возникших в результате неэффективности или несостоятельности государственной политики. С одной стороны, политическое участие уходит из партийно-представительского сегмента и трансформируется в гражданские инициативы, формируются принципиально новые акторы публичной политики. С другой стороны, сетевые сообщества не могут эффективно представлять свои интересы, не используя традиционные и признанные в политической организации общества институты [7]. Обе тенденции, несмотря на кажущуюся противоречивость, отражают суть меняющегося положения акторов в публичном поле и показывают объективную необходимость их институализации для полноценного участия в политике как на уровне горизонтальных, так и на уровне вертикальных практик взаимоотношений. Сетевизация публичного пространства – это скорее реакция на неэффективность традиционных управленческих практик и запрос на обновление или, можно сказать, апгрейд организации политико-управленческого процесса.

Для развития постмодерных инновационных политий и обновления управленческих практик, создание условий для вовлечения граждан в политический процесс являются объективной необходимостью. Осознание данной проблемы на глобальном уровне привело Комитет экспертов по государственному управлению ООН к формированию новой институциональной стратегии «хорошего управления» (Good Governance), основанную на широком участии граждан в процессе управления. Институционализация участия гражданских объединений проявляется в разработке политики, предоставлении услуг, составлении бюджетов и публичной подотчетности. Участвуя в процессах государственного управления, человек и гражданин реализуют свое право на участие в политике как основное право человека. Использование инструментов участия в государственном управлении способствует достижению гражданами других прав и интересов – развитию демократии, укреплению социального капитала, повышению эффективности государственного управления. Создание правительствами партнерств с институтами гражданского общества, бизнесом и профсоюзами обеспечивает межсекторное взаимодействие при реализации совместных программ и проектов в диалоговом режиме. Действенное

участие – это участие, способствующее обеспечению экономического роста, эффективности, равенства и справедливости через определение институциональных механизмов, структур стимулирования и мобилизации обществности.

Реализовать на практике вышепредставленную институализированную форму соучастия граждан в процессе управления государством возможно только при условии нового типа демократии (мониторинговой, диалоговой, делиберативной, повседневной), где в процессе развития человеческих ресурсов включается каждый участник, приобретая знания, доступные навыки, в постоянном действии в заданном направлении применяя и усвершенствуя их. Различные социальные структуры, включаясь в этот процесс, вырабатывают согласие относительно легальных и эффективных процессов и процедур, с помощью которых идет движение к разделяемому сообществом цели [8, с. 66]. Таким образом, институциональная стратегия «хорошего управления» (Good Governance) проектирует современное публичное пространство по траектории сверху-вниз, определяя желательные диспозиции акторов с возможностью их адаптации под национальные условия государственных систем. Успешность инсталлирования данной модели будет зависеть от способности системы организовать политико-управленческий процесс с вовлечением в него всех институализированных и неинституализированных публичных акторов и обеспечить им политико-правовые условия для эффективного взаимодействия.

Расширение поля публичной политики в условиях глобализации за границы национальных систем привело к тому, что деятельность публичных акторов стала носить трансграничный характер. Публичные акторы становятся одновременно участниками взаимодействий на локальном, национальном, региональном и глобальном уровнях, таким образом усложняя характер политики и увеличивая свои функциональные возможности. Публичная политика предстает как многослойная сеть вертикальных и горизонтальных взаимодействий, где в каждом отдельном сегменте и уровне происходит формирование повестки дня и поиск решения проблем.

Вышеуказанные тенденции свойственны для всех видов систем, однако роль акторов в трансформирующихся государствах имеет свою специфику, которую мы должны учитывать при общем анализе публичной политики в конкретных национальных контекстах нестабильных систем.

Все переходные системы решают проблемы модернизации государства, реформирования управления и переформатирования социально-политических отношений в зависимости от экономических, политических, исторических, институциональных, социально-культурных и внешнеполитических обстоятельств. В результате этих преобразований, которые страны проходят с разной степенью динамичности и интенсивности формируется особый национальный вариант публичного пространства. Понять какой он будет в итоге, какова перспектива и какие акторы полити-

ческого процесса будут играть в нем определяющую роль можно проанализировав состояния и соотношения трех сфер политического пространства, раскрывающих особенности взаимоотношений государства и общества, характер организации власти и специфику реального позиционирования базовых управленческих институтов.

Разнообразные формы переходных государств рождают такое же разнообразие национальных публичных практик, которое трудно поддается типологизации в силу множественности неустоявшихся критериев этого феномена, а также по причине динамичности и постоянной изменчивости структурных компонентов систем. Но все же можно выделить общие проблемы, которые имеют практически все трансформирующиеся системы в развитии своей публичности, хотя и в разный темпоральный период.

Первое на что обращают внимание практически все исследователи, это на то, являются ли акторы публичного пространства реальными или имитаторами? Возможность акторов полноценно участвовать в публичном поле прямо пропорциональна режимным и институциональным возможностям системы. Если национальная модель публичной политики характеризуется: ограниченным информационно-дискурсивным пространством; институциональной слабостью государства и гражданского общества, неполноценностью институционального комплекса каналов политического участия в системе публичного управления, деформированной системой политического представительства, неспособностью акторов формировать и реализовывать повестку дня, контролируемым характером публичности, то она будет носить имитационный (фальшивый) характер. Соответственно в таком варианте публичной политики акторы не смогут выполнять свои функции и будут играть роль имитаторов в формировании внегражданской публичности.

Неразвитые институты и субъекты-имитаторы политики, неспособные обеспечить диалог и достичь консенсуса между властью, гражданским обществом и бизнес-структурами по социально-значимым вопросам, формируют неполноценный и искаженный вариант публичной политики, который опасен тем, что с большой вероятностью ведет к повышению социальной напряженности и конфликтности в государстве. Соответственно система может войти в состояние турбулентности и неопределенности, при этом одновременно могут усиливаться тенденции монополизации власти государственными и/или кланово-олигархическими структурами, развиваться коррупция, усиливаться контроль над гражданской сферой. В ситуации исключаящего или ограниченного представительства граждане могут перейти к поиску новых неинституализированных каналов влияния на власть и новых форм представительства и реализации своих интересов, от электорального рутинного квазиполитического участия к реальному политическому действию (протестные формы участия).

Неполноценная, усеченная публичность как декорация к псевдодемократическому спектаклю может

привести к необратимым последствиям для демократизации государств, которые с помощью административного управления ликвидируют массовый дискурс и каналы гражданского участия, укрепляя вертикаль власти путем усиления контроля за политическими правами и свободами населения. Результатами такого варианта имитационной публичности могут быть несколько сценариев развития событий. Во-первых, с большой вероятностью это может привести к социально-политическим протестам в стране, смене политической власти и реформированию системы (Грузия 2003, Украина 2004, Украина 2014); во-вторых, может быть полный демонтаж публичных институтов и окончательное скатывание страны в авторитаризм (Россия, Беларусь); в-третьих, поступательное длительное преобразование системы при наличии политической воли элиты. Конечной целью для трансформационных систем в идеале должна быть решительная модернизация политической системы, формирование новых институтов публичного представительства и гражданского участия.

Еще одна тенденция на которой следует особо остановиться – это институциональная неопределенность акторов публичной политики. Институциональная неопределенность как научная категория еще не в полной мере отфреклексирована и поэтому не имеет точного объяснения. Наше понимание неопределенности базируется на положениях Д. Норта, Х. Арендт, Д. Москвина, согласно которым под данным термином мы можем понимать ситуации, когда акторы не имеют устойчивую институциональную структуру (в условиях трансформации системы, появления новых институтов) и не находят компромисса относительно политических и поведенческих процедур и правил. Институциональная неопределенность подвергает систему рискам, влияет на эффективность ее функционирования и способствует существованию неформальных правил и доминированию сильнейшего субъекта в борьбе с другими субъектами за навязывание своих правил и практик поведения [9].

В условиях нестабильности систем институциональная неопределенность имеет больше проблем для объяснения и осмысления. В переходный период особое значение имеет качество институтов, которые являются базовым инструментом политики. Именно от них зависит успех проводимых в стране реформ и преобразований. Какие именно институализированные субъекты могут гарантировать успешность трансформации систем и обеспечить равный доступ к политике, сказать трудно, т.к. все они имеют неравные возможности доступа к власти и процессу принятия решений, свою историю существования/возникновения и разный уровень легитимации в обществе. Но можно с уверенностью утверждать, что только сильные и стабильные институты способны адаптировать систему к любым политическим изменениям максимально снизив риски. По мнению ряда экспертов, история провалов и успехов трансформационного периода предстает отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных реформ. Главное – сохранение дееспособных и соз-

дание новых эффективных институтов. Институциональное развитие, как и технологическое, включает две компоненты - инновационную, порождаемую в результате естественного отбора либо конструирования, и трансплантацию институтов из более передовых институциональных систем [10]. Органичное сочетание традиции и инновации даст возможность институциональным публичным акторам расширить поле возможностей и преодолеть ситуации неопределенности и лиминальности в новых обстоятельствах. Естественно этот вариант возможен лишь при условии поступательной эволюционной демократизации систем, где всем субъектам будут предоставлены (на законодательном уровне) и гарантированы равные возможности осуществлять публичную деятельность и принимать открытое участие в принятии политических решений. Но и это еще не есть гарантия успешного оформления нового институционального дизайна в соответствии с нормативной моделью публичной политики. В этом случае система сталкивается с двумя проблемами. Первая – это неготовность самой системы инсталлировать новые институты, связанные прежде всего с тем, что необходимые условия еще не созданы. Например, внедрение института электронной демократии не может быть полноценно осуществлено, если страна имеет низкий уровень информационно-коммуникативных технологий. Вторая проблема – это возникновение в результате ошибочной деятельности государственной политики так называемых институциональных «ловушек» – неэффективных устойчивых институтов (норм), препятствующих нормальному развитию социально-политических процессов и тормозящих публичные процессы в государстве [11].

Такой «ловушкой» может быть сохранение старой рутинной системы управления без учета современных требований. Например, существование административно-командного управления в трансформирующихся системах, система самоуправления в постсоветских республиках. Еще один вид «ловушки», который сформировался в 1990-2000-е гг., называется «тропой зависимости», это когда возникшие новые институты, созданные по западному образцу, оказались неспособны к политическому действию в недемократических условиях. Как следствие институциональные «ловушки» не только препятствуют реализации обществом исторически накопленного в нем потенциала развития, но запускает в действие механизм его необратимой деградации и дегенерации социальных структур и институтов [12].

Публичная сфера, не успев развиваться в таких условиях, сворачивается, а в системе начинают преобладать узкогрупповые интересы, тормозятся реформы, развивается коррупция, полностью перекрывается доступ гражданского сектора к принятию решений и др. Одно из главных средств решения этой проблемы – развитие демократии, обеспечивающей учет мнения различных акторов в процессе формирования повестки дня и управления, институциональное оформление представительства и самоорганизации интересов на всех уровнях, реформиро-

вание системы разделения властей. Таким образом, сценариев развития публичной политики в переходных системах может быть множество, как и вариантов субъектности в нестабильных государствах, однако аксиомой должно быть понимание того, что только расширение рамок и качества социально-политического представительства интересов и развитие форм социального партнерства поможет амортизировать и регулировать проблемы в обществе, идти по инновационному пути развития, создавать публичный капитал и формировать национальную модель публичной политики.

Ключевым механизмом развития политических практик акторов является конвертация различных видов ресурсов в публичный капитал, являющийся частью политического капитала. Под политическим капиталом понимается способность акторов, взаимодействующих на основе межличностного доверия и разделяемых всеми участниками норм и ценностей, к мобилизации коллективных действий и участию в этих действиях; способность институализированного и/или индивидуального субъекта репрезентовать интересы других агентов, которые делегируют ему права на представительство своих интересов [13].

Политический капитал [14] в представленных формах присваивается акторами и превращает их в индивидуальные или групповые свойства, которые позволяют формировать повестку дня, контролировать процессы принятия решений и распределение ресурсных потоков. Политический капитал аккумулирует и конвертирует все другие виды капитала (административный, социальный, экономический), что позволяет ему определять стратегию развития общества и формировать политический порядок [15].

Публичные акторы, обладая такими видами ресурсов, как «право (юридичний ресурс), сила (ресурс насилля), персонал (людський ресурс), кошти (монетарний ресурс), інформування (когнітивний ресурс), організація (інтерактивний ресурс або ресурс взаємодії), консенсус (ресурс довіри), час (часовий ресурс), інфраструктура (майновий ресурс), політична підтримка (мажоритарний ресурс)» [16, с.80] формируют публичный капитал, который можно представить, как соучастие во власти публичных акторов, осуществляющих свою деятельность посредством доступных ресурсов, с целью реализации общезначимых для них и общества целей.

Основой публичного капитала являются консенсусные взаимоотношения между субъектами политического процесса, основанные на доверии и взаимной заинтересованности по поводу решения политических проблем. Качество публичного капитала, являющегося показателем эффективности политической системы, зависит от знаний, опыта, воли, уровня институционализации и способности публичных акторов использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы и через институализированные каналы влиять на политический процесс.

Публичные акторы, действующие в конкретных институциональных режимных рамках, обладают инкорпорированной способностью участвовать

в коллективных и индивидуальных действиях, основываясь на своих интересах, предпочтениях и идентичностях. Это во многом сближает публичный и социальный капитал, который трактуется Р. Патнемом как определенная совокупность характеристик, представленных потенциалом участия (Participatory Potential), ориентациями в сфере гражданской активности (Civic Orientation), межличностным доверием (Trust in Others) [17].

В условиях системного кризиса политический капитал не может носить устойчивый характер и полноценно аккумулировать потенциал других видов капитала. На примере бывших республик СССР, таких например как Россия, Украина, Казахстан, Молдова и др. на начальном этапе перехода, можем увидеть, что традиционные политические акторы, попав в новые условия, не стали носителями демократических ценностей, без национальной стратегии реформирования систем политические элиты оказались неспособны возглавить демократический переход и по прежнему формировали свой политический капитал на административном капитале, который активно использовался всеми провластными силами и на всех уровнях исполнительной власти [18]. В такого рода системах появляющиеся новые публичные акторы, в виде организаций гражданского сектора, аналитических центров и др., не обладают ресурсами, позволяющими влиять на власть, а уж тем более соучаствовать в ней и контролировать ее. Одновременно сформировался теневой капитал, представляющий совокупность капиталов групп интересов, при доминировании кланово-олигархических групп. Административный и теневой капиталы оформляли политику в этих странах в виде латентных нестабильных систем, создавая более глубокий и взрывоопасный потенциал для еще более глубокого кризиса.

В странах, пытающихся изменить традиционную модель управления (Грузия, Украина, Молдова и др.), актуализировался вопрос о влиянии общества на власть в формировании публичного капитала. Однако, слабая институализированность публичных акторов, низкая представленность гражданского сектора в процессе решения проблем и неформализованность институционализированных каналов взаимодействия с властью являются основным препятствием для легального диалога, что зачастую переводит общение в конфликтную плоскость, и характеризуется высокой протестной активностью общества. В таких обстоятельствах, являясь отражением деятельности политических акторов, публичный капитал, как часть политического капитала в целом носит фрагментированный и неустойчивый характер. Однако, стоит отметить, что конфликтное поле политики носит не только негативный характер. Оно также является платформой для выдвижения новых и обновления традиционных акторов с последующей их институционализацией и переформатирования политической системы в целом. Каков будет результат изменений предугадать сложно, но можно предположить, что зависит он будет от стратегий, ресурсов, мотивов и институциональных возможностей

публичных акторов, которые будут режиссировать публичную политику и наполнять содержанием публичный капитал.

Выводы. Итак, в современной публичной политике под влиянием глобальных тенденций, с развитием информационных технологий и внутрисистемных изменений, связанных с проявлениями индивидуализации поведения, поиском новых идентичностей, переходом общества на новую ступень организационного развития и формированием модернизированных

институализированных структур включение граждан в процесс управления, произошли существенные изменения, которые привели к качественным трансформациям традиционных и появлению новых публичных акторов, смене характера их взаимодействий в публичном поле. В различных типах режимов публичные акторы формируют особые формы публичного капитала, который отражает степень эффективности, открытости и конфликтности политической системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Öffentlichkeit [Text] / J. Habermas Neuwied/Berlin - 1962.
2. Trust Barometer Global Results. Edelman Trust Barometer Available at [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://trust.edelman.com/trust-download/global-results/>
3. Беляева Н.Ю. Публичная политика идет на смену партийной [Электронный ресурс] / Н.Ю. Беляева. – Режим доступа: <http://opec.ru/1553781.html>
4. Лапкин В.В., Семенов И.С. «Человек политический» перед вызовами INFOMODERNITY» [Текст] / В.В.Лапкин, И.С.Семенов // Полис. - № 6 – 2013. - С. 64-81
5. Семенов И. С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики [Текст] / И.С. Семенов // Полис. Политические исследования. - 2012. - № 6. - С. 9-26
6. Морозова Е.В. Гибридные субъекты публичной политики: антиэстблишментские партии [Текст] / В.Е. Морозова // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 90-93.
7. Гнедаш А.А. Конструктивный потенциал сетевого взаимодействия в сфере социальной политики [Текст] / А.А. Гнедаш, Е.В. Морозова // Демократия и управление. – 2012. – № 2. – С. 5-12.
8. Сетевой анализ публичной политики [Текст] / под ред. Л.В. Сморгунюва. – М.: РГ-Пресс, 2013. – 320 с.
9. Москвин Д.Е. Институциональная неопределенность [Текст] / Д.Е. Москвин // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Ежегодник/РАПН под ред. А. И. Соловьева – М., 2012. – С. 46–48.
10. Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории [Текст] / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 2006. – Т. 42, № 1. – С. 3-18.
11. Ковалев А.В. Проблема институциональных «ловушек» и теория институтов австрийской школы [Текст] / А.В. Ковалев, И.А. Ковалева // Журнал международного права и международных отношений. – 2008. – № 2. – С. 28-35.
12. Скоробогачкий В.В. Институциональные ловушки в политике [Электронный ресурс] // Вопросы политологии и социологии -2011. - №1 – Режим доступа: <http://politsocio.uara.ru/ru/issue/2011/01/>
13. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. [Текст] / В.В.Радаев — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 328 с.
14. Bourdieu P. Forms of Capital [Text] / P. Bourdieu The Sociology of Economic Life.: Westview Press, 2001. - P. 96-111
15. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В.В. Радаев // Общественные науки и современность. –2003. – № 2. – С. 5-17.
16. Кньопфель П. Аналіз та пілотаж публічної політики [Текст] / Кньопфель П., Ларю К., Варон Ф., Малишева Н. – К.: Алерта, 2010. – 420 с.
17. Лукин В., Мусиенко Т. Социальный капитал и доверие как факторы общественной и политической консолидации [Электронный ресурс] // Credo New -2014. -№3 - Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k3-2014/25374-socialnyu-kapital-i-doverie-kak-factory-obshchestvennoy-i-politicheskoy-konsolidacii.html
18. Шаповаленко М. Політична стабільність та політичний капітал в умовах трансформації суспільства [Текст] / М.Шаповаленко // Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова. Серія 22. Політичні науки та методика викладання соціально-політичних дисциплін - 2014. - С.41-51

REFERENCES:

1. Habermas, J., 1962. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Öffentlichkeit, Berlin (in Germany)
2. Trust Barometer Global Results 2012, 2015 Edelman Trust Barometer Available at : <http://trust.edelman.com/trust-download/global-results/>
3. Beljaeva, N.Ju., Publichnaja politika idet na smenu partijnoj [Public policy takes the place of the party one]. Regime to access:: <http://opec.ru/1553781.html> (in Russian)
4. Lapkin, V.V., Semenenko, I.S., 2013. «Chelovek politicheskij» pered vyzovami «INFOMODERNITY» [«Political Man» Facing the Challenges of «INFOMODERNITY»]. Polis, 6, 64-81 (in Russian)
5. Semenenko, I. S., 2012. «Chelovek politicheskij» pered al'ternativami obshhestvennyh transformacij: opyt pereosmyslenija individual'nogo izmerenija politiki [«Political Man» against alternatives of social transformation: rethinking experience of the politics' individual dimension]. Polis,6, 9-26 (in Russian)
6. Morozova, E.V., 2014. Gibridnye subjekty publichnoj politiki: antiesteblishmentskie partii [Hybrid entities of public policy: counter-establishment parties]. Vestnik VGU 4, 90-93 (in Russian)

7. Gnedash, A. A., 2013. Konstruktivnyj potencial setevogo vzaimodejstvija v sfere social'noj politiki [Constructive potential of networking cooperation in the sphere of social policy]. *Demokratija i upravlenie* 2, 5-12 (in Russian).
8. Setevoj analiz publichnoj politiki, 2012 [Network Analysis of Public Policy]. Moscow, 320 (in Russian).
9. Moskvina, D.E., 2006. Institucional'naja neopredelennost' [Institutional uncertainty]. *Ekonomika i matematicheskie metody* 42, 1, 46–48 (in Russian).
10. Polterovich, V.M., 2006. Strategii institucional'nyh reform. Perspektivnye traektorii [Strategies of institutional reforms. Perspective paths]. *Ekonomika i matematicheskie metody* 72, 1, 3-18 (in Russian).
11. Kovalev, A.V., Kovaleva, I.V., 2008. Problema institucional'nyh «lovushek» i teorija institutov avstrijskoj shkoly [The problem of institutional «traps» and the Austrian School's theory of institutions]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij* 2, 28-32 (in Russian).
12. Skorobogackij, V.V., 2011. Institucional'nye lovushki v politike [Institutional traps in politics]. Regime to access: <http://polit-socio.uapa.ru/ru/issue/2011/01/> (in Russian).
13. Radaev, V.V., 2003. Sociologija ryнков: k formirovaniju novogo napravlenija. [Sociology of markets: on the formation of a new direction]. Moscow, 9-18 (in Russian).
14. Bourdieu, P., 2001. Forms of Capital Bourdieu, P. in: Granovetter, M. and R.Swedberg *The Sociology of Economic Life*. Westview Press (in French).
15. Radaev, V., 2003. V. Ponjatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertacija [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. Moscow, 5-17 (in Russian).
16. Knopfel, P., 2010. Analiz ta pilotazh publichnoï politiki [Analysis and Public Policy's Pilotage]. Kyiv, 587 (in Ukrainian).
17. Lukin, V., Musienko, T., 2014. Social'nyj kapital i doverie kak faktory obshhestvennoj i politicheskoy konsolidacii [Social capital and trust being factors of social and political consolidation]. Regime to access: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k3-2014/25374 (in Russian).
18. Shapovalenko, M., 2014. Politichna stabil'nist' ta politichnij kapital v umovah transformacii suspil'stva [Political stability and political capital in conditions of transformational society]. *Naukovij chasopis NPU im. M.P. Dragomanova. Serija* 22, 41-51 (in Ukrainian).